

НЕПРЕМЕННО ЛИШЬ ЛЮБОВЬ

Легенды и мифы саратовского ТЮЗа

Независимая газ. —
1999 — 27 февр. — С. 7

Ирина Озерная

САРАТОВСКИЙ ТЮЗ юбилар — ему стукнуло во семьдесят. Так как словом «старый» нельзя назвать то, что связано с детством или юностью, назовем его старшим, ведь он ухитрился открыться первым детским профессиональным театром в нашей стране, а московский и ленинградский (название ТЮЗы появились позднее) — уже следом. Назовем его пионером, так как это слово вполне подходит и к детству и юности, и еще не совсем забыт его вторичный смысл, давший название организации, в основном и наполнявшей залы советских театров юного зрителя.

Итак, он родился «в октябре багрянолистом» восемнадцатого года и первоначально назывался Бесплатным для детей пролетариата и крестьян Советским драматическим школьным театром имени вождя рабоче-крестьянской революции Владимира Ильича Ленина. И знаете, чем он стартовал? «Синей птицей» Метерлинка. Вот поразительно — ведь чуть-чуть позже, в начале двадцатых, все издательства отказывались от первых сказок Чуковского, потому что сказка как таковая была уже объявлена проповедью мистики и идеализма. По той же причине и в те же времена у Юрия Олеши в ящике письменного стола три года пролежала забракованная издателями рукопись «Трех толстяков». А тут, посреди революционного переполоха и Гражданской войны, в полущаге до окончательного укоренения узкокобой идеологии, первый детский театр в стране открывается пьесой «реакционного символиста и мистика» Метерлинка, и рабоче-крестьянская ребятня, призванная стать атеистической массой, абсолютно бесплатно смотрит философскую сказку о смысле жизни и бессмертия души, из которой узнает, что счастье умирает в клетке и путь к нему лежит только через любовь, а уж вовсе не через борьбу и насилие. Вот таким был дебют.

Вечно этот Саратов выпендрится: то Чернышевского родит, то первый ТЮЗ с вольнодумством в фундаменте в сезон военного коммунизма.

С тех пор этот театр пережил множество разных этапов, и как таклизмы, естественно, его не миновали, но радости и любви было больше, и потому во все времена он был популярнейшим в городе. В 20–30-е годы часто менялись художественные руководители — им управляли Л. Дашковский, Л. Брусевич, А. Соломарский, здесь ставили спектакли Абрам Роом и Иван Слонов. Театр несколько раз переезжал и, наконец, обрел свой нынешний дом на Вольской улице, ставший известным каждому саратовцу. Была хорошая профессиональная труппа, репертуар — обычный тюзовский: «Как закалялась сталь», «Золотой ключик», «Пионер Павел Морозов». Но в самом начале войны театр закрыли, и он не существовал целых два года. А в 43-м открылся вновь, и начался новый этап. Сюда, на голое место, без труппы и репертуара, был назначен художником ученик Таирова Юрий Петрович Киселев. Тут же появились и труппа, и репертуар, и с тех пор 53 года, до самой смерти мастера, ТЮЗ находился в его режиссерских руках, потому обрел вполне конкретное лицо, то есть внешне, и внутренне стал походить на своего руководителя. И это было недурно, так как Юрий Петрович был одарен, профессионален и знаменит, остроумен и дипломатичен, дружелюбен с актерами и беспощаден к ним провинившимся, обожал таланты, но еще более пестовал традиции и дисциплину, то есть обладал всеми качествами идеального хозяина-самодежца. Поэтому ТЮЗ во все времена его правления как сыр в масле катался. Здесь выросло несколько поколений артистов — учеников Киселева, и разнообразился стабильный все-тюзовский репертуар, театр прославился и постоянно разъезжал с гастролями: то в Москву, то в Ленинград, а однажды даже на фестиваль в Лион прокатился со спектаклем «Колбаска, Боцман и

другие» по Астрид Линдгрэн, что в советские времена периферийному театру было сделать крайне трудно. Но Киселев мог все, даже отстоять в 1969 году спектакль «Недоросль» в постановке Леонида Эйлина с песнями опального и запрещенного в Москве Юлиа Кима, которому именно тогда пришлось сочинить себе псевдоним Ю. Михайлов.

Скандал, разгоревшийся вокруг саратовского «Недоросля», был колоссальным. С местной прессой он перекинулся на центральную, эволюционировал в форму бесконечных дискуссий и в конечном счете так разрекламировал спектакль, что после того как его все-таки допустили до зрителя, любопытные театралы хлынули в Саратов со всех концов страны, чтобы увидеть это «бесчинство». А оно было всего лишь тем, что теперь привычно называют мюзиклом, но этот жанр, примененный к такому серьезному делу, как разоблачение крепостничества, вызвал тогда множество претензий. «Почему в драматическом театре актеры так много поют?» — возмущались чиновники от культуры. «И что поют», — обиженно вторили им учителя. — Это разгул какого-то прибалтийского хулиганства. Ну что за коверканье русского языка в куплетах немца Вральмана: «Ваш страна особый случай, разобратесь мудрено: кто у вас учитель, кто обычный кучер — или это все одно?» Верните нам и нашим ученикам Фонвизина!»

Да, Фонвизин саратовского ТЮЗа действительно почти никакого отношения не имел к тому замученному советской школой бескровному объекту изучения. Спектакль был оазисом вольной воли, поставленный так, будто не закончилась «оттепель» 60-х и дело происходило не в военно-заводском закрытом Саратове с удесятеренной цензурой, а в каком-то «эпическом» крае. Он повлиял на сознание и театра, и города, и, главное, юного зрителя. Он слотил лучшую интеллигенцию, защищавшую его. А принял его к постановке и ни за что не хотел отдавать немолодой уже и обычно

очень осторожный человек Юрий Киселев. «Это талантливо и полезно», — упрямо повторял он на всех комиссиях. Сам он всегда ставил много, и город любил его спектакли: сказки и приключения, все до одной пьесы Виктора Розова, выполненные его ровным, уверенным режиссерским почерком, игрались на этой сцене. Но при этом он знал наперыяка, что его ТЮЗ, хоть и старший, — не имеет права стареть, что он всегда должен поддерживать первенство непрекращающейся юностью с ее разномыслием, разномыслием и тягой к поворотам. Поэтому был шедрым и неровным, пуская в свой дом других режиссеров, способных осуществить эти повороты. ТЮЗ был главной любовью его жизни, а он знал толк в любви и умел служить ей.

У саратовского ТЮЗа есть две главные легенды. Первая — это Юрий Киселев, ставший ею еще при жизни. Его смерть два года назад завершила очередной исторический этап театра. Вторая — «Недоросль». ТЮЗу, конечно же, есть, чем гордиться, и кроме того — и другими спектаклями и актерами, но это — особенное. Теперь он, привыкший к могущественному управлению, переживает непростой переходный период. Сейчас подводит итоги: празднует юбилей (80-летие театра почти совпало с 30-летием «Недоросля»), радуется новым званиям (стал имени Киселева и академическим) и изо всех сил охраняет сложившиеся традиции. Пока он похож на Страну Воспоминаний, куда попали в поисках счастья Тильтиль и Митиль из «Синей птицы» — той самой, которой он был рожден в восемнадцатом, заложившей удачу в его фундамент. Думается, именно она и поведет его дальше, в метерлинковское Царство Будущего, к следующему этапу, к другим талантливым и властным режиссерским рукам. Но это будет, наверное, уже другой ТЮЗ, который, надеюсь, сохранит лучшую свою традицию — любовь города. «Все переменны в этом мире, непременно лишь любовь», — уверил нас Юлий Ким в «Недоросле».